

УДК 821.161.1.09Вересаев В.В.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148

РОМАН В.В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»: ЛЕТОПИСЬ «ХАМСКОГО» ЦАРСТВА РЕВОЛЮЦИИ

Новичкова Д.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов русского писателя В.В. Вересаева на итоги революции 1917 г. На основе анализа содержания романа «В тупике», посвящённого описанию гражданской войны в Крыму, и сопоставления его с произведениями значимых русских писателей изучаемого периода сделана попытка представить мнение В.В. Вересаева относительно причин и последствий произошедшего переворота. Подчёркивается сложность и неоднозначность взглядов русской интеллигенции на революцию, зоркость наблюдений и оценок событий В.В. Вересаевым и его персонажами.

Ключевые слова: революция 1917, гражданская война, русская интеллигенция, литературный контекст начала XX в., В.В. Вересаев, сопоставление.

V. VERESAEV'S NOVEL «AT THE DEAD END»: THE CHRONICLE OF «BOORISH» KINGDOM OF REVOLUTION

D. Novichkova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to views of V. Veresaev on the outcome of the revolution of 1917. Based on the analysis of the content of the novel "At the dead end", devoted to the description of the civil war in Crimea, and matching it with the works of important Russian writers of the studied period, an attempt is made to represent the opinion of V. Veresaev about the causes and consequences of the coup. We emphasize the complexity and ambiguity of attitudes of the Russian intelligentsia to the revolution, including V. Veresaev.

Key words: the revolution of 1917, the civil war, the Russian intelligentsia, the literary context of the early 20th century, V. Veresaev, comparison.

«Жизнь катилась, шумя и бурля, – дикая, жестокая и жуткая, сбросившая с душ все сдержки, разнуздавшая самые тёмные страсти» [6, с. 420].

Русский мыслитель Иван Ильин в книге «О сопротивлении злу силою» писал о революции 1917 г.: «Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, пронесаются опаляющим и очистительным огнём в наших душах» [7, с. 3]. Оценка происходящих событий, сложных и противоре-

чивых, осознание собственной вины каждого человека, его места и назначения в новой жизни явилось центральной темой для представителей культуры XX в. Писатели живо реагировали на изменения, происходившие в государстве и в умах людей. Исторический процесс воспринимался ими и воплощался в произведениях, в которых конкретные судьбы и события отражались через поведение и поступки персонажей, имевших прототипы, и вымышленных [11, с. 188].

У каждого мыслителя и художника был свой взгляд на проблемы, которые подняла революция в русском обществе. О надеждах на светлое будущее после переворота, о разочаровании в них, о трудностях гражданской войны, страданиях человека в этом историческом хаосе писали А. Блок, М. Волошин, М. Горький, И. Бунин, В. Маяковский, М. Булгаков, А. Фадеев, М. Шолохов, Вс. Иванов, Артём Весёлый... Этот ряд можно продолжить, присоединяя к нему деятелей русского зарубежья.

Некоторые поэты поддерживали переворот, возлагая надежды на изменение жизни общества к лучшему. Маяковский славил революцию, призывал всех до единого шагать к будущему, где «за горами горя солнечный край непочатый», сознавая, что путь этот сопровождается отнюдь не гуманными идеями, требовал единения: «Крепи / у мира на горле / пролетариата пальцы! / Флагами небо оклеивай!» [9, с. 6]. Александр Блок писал матери 20 марта 1917 г., т. е. после Февральской революции: «Всё происшедшее меня радует. – Произошло то, чего никто ещё оценить не может, ибо таких масштабов история ещё не знала. Не

произойти не могло, случиться могло только в России. ... Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя – самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что чуть-чуть «шокирует»» [2, с. 479].

Со временем прозаики и поэты поняли, что 1917 г. – это всего лишь начало нового периода в жизни России, который сулил продолжение кровопролития, иностранной агрессии и междоусобицы. И. Бунин размышлял: «Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто ещё более ужасное» [5, с. 277]. М. Булгаков в фельетоне «Киев-город» констатировал: «... Были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у юного поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдёт в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты ... И вышло совершенно наоборот. / Легендарные времена оборвались, и внезапно, грозно наступила история» [4, с. 307].

Одно из первых произведений художественной литературы, в котором обнажены разные стороны революции, по мнению некоторых литературоведов, принадлежит В.В. Вересаеву¹ [10, с. 127]. Писатель-врач в молодые годы увлекался народничеством, затем поверил в марксизм, в необходимость революции, но уже в 1905 г., после первых митингов и поражений, осознал

¹ В 2017 г. исполнилось 150 лет со дня рождения писателя. Юбилей сопровождался научными конференциями, публикациями статей, выпуском специальных телевизионных программ, что стимулировало возобновление интереса к Вересаеву и новое осмысление его творческого наследия.

сложность и отрицательные перспективы грядущего переворота. Он на себе испытал многочисленные беды, обрушившиеся на людей вследствие революционных преобразований.

В 1918 г. Вересаев с женой уехали на дачу в Коктебель и пробыли там 3 года, по сути, в центре гражданской войны. В автобиографической записке автор вспоминал, что «за это время Крым по несколько раз переходил из рук в руки». Нескладно протекала его собственная жизнь в эти годы: «Шесть раз был ограблен, больной испанкой в 40 градусов мороза полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного. Неоднократно арестовывался белыми. Болел цингой...» [10, с. 131] Пребывание в зоне политических страстей было крайне тяжёлым, но Вересаев проявил силу и терпение. Будучи врачом, он смог помогать нуждающимся, получая за свою работу еду – яйца и сало.

В 1921 г. Вересаев вернулся в Москву, где начал работать над романом «В тупике» (1920–1923), обнажил в нём противоречивость революционных обстоятельств и событий, абсурдных и жестоких. Исследователь Ф. Кулешов в статье «Подвижник» заметил: «Цель, поставленная в романе «В тупике» Вересаева, – изобразить революцию и гражданскую войну без прикрас, без малейшего налёта лжи и лака, сказать чистую правду о той героической и кровавой эпохе, – блестяще достигнута» [8, с. 16].

Событийный план романного сюжета развёртывается в Крыму, где собрались люди с разными убеждениями. В центре повествования – семья ссыльного врача Ивана Ильича Сартанова. Многие исследователи подчёр-

кивают родственность черт характера этого персонажа автору. Интеллигентность, благородство, принципиальность, собственное мнение, которое отстаивает Иван Ильич при любой власти, – эти качества проявлял и сам Вересаев в эти годы.

Сартанов, революционер по духу, бесстрашно выражавший своё отношение к перегибам царской власти, остаётся честным и в новое время – он не смог принять «гримас», которые принесла революция. Прежний мир рухнул, а в новом мире врачу-интеллекту места нет. Сартанов признался: «Мы морально разбиты, революция заплевана, стала прибыльным ремеслом хама, сладострастной утехой садиста. И на это всё смотреть, это всё видеть – и стоять, сложив руки на груди, и осознавать, что нечего тебе тут делать. И что нет тебе места...» [6, с. 374]. В итоге герой разочаровывается в жизни, не видит смысла в дальнейшем пребывании среди мира нелепостей. Он предлагает дочери Кате уйти в «царство теней» (вероятно, отправиться в эмиграцию), но она не может принять такой позорный выход – сбежать, сдаться.

Советские критики считали, что название романа относится в первую очередь к Сартанову. Именно люди его типа (либеральная интеллигенция) оказались в тупике. Они отреклись от монархии, были поборниками переворота, но не смогли принять путей достижения власти мятежниками, их нравственное чувство не принимало жертв, которые плодил переворот.

Революционная действительность обнажила проблемы, которые в какой-то мере были страшнее, глубже тех, которые имели место до разрушения

монархического государства. Младшая дочь Сартанова Катя, оказавшись в камере с арестованными контрреволюционерками, восклицала: «Когда же кончится это хамское царство!» [6, с. 439]. Сопоставление прошлого и настоящего приводит её к печальному обобщению: «Я сидела в царских тюрьмах, меня допрашивали царские жандармы. И никогда я не видела такого зверского отношения к заключённым, такого топтания человеческой личности, как у вас...» [6, с. 443]. Она во многом унаследовала нравственные принципы отца – честна, открыта. Столкнувшись с произволом, насмешками рабочих и солдат над тем, что теперь и она находится на одной ступени с ними, Катя пыталась вразумить их, осуждала злобу, жестокость, искажённое понимание реальности.

С приходом советской власти, в отличие от отца, Катя вышла на работу в отдел образования и просвещения, но оставалась верна себе в любой ситуации. Многие «несогласные» в её окружении подстраивались под новую власть, чтоб «новая» жизнь для них по комфорту не сильно отличалась от прежней. Вересаев называет это «делкой с совестью» [6, с. 505]. Но Катю ещё более, нежели приспособленчество «бывших» интеллигентов, огорчало всеобщее «озверение» и нравственное падение народа [6, с. 385]. Особенно ярко изображён в романе произвол людей, получивших власть. Грабежи, прикрытые законными основаниями, обыски, действия «чрезвычайки», расстрелы, разбой, пьянство, взятки, бумажная волокита, бездействие руководителей отделов – всё это угнетало людей, усугубляло и без того сложную ситуацию. Катя возмущалась: «Почему

не арестовываете людей вроде этого вашего Зайдберга или Искандера? Они своими действиями ещё больше подрывают авторитет вашей власти, чем всякие контрреволюционные пропаганды» [6, с. 443].

Молодой человек Дмитрий, к которому Катя была дружески расположена до начала революционных событий, после того как ушёл к добровольцам, подвел итог своим наблюдениям: «Происходит новое нашествие варваров. Ведь, по существу, это война против культуры, против всех высших духовных ценностей. ... Культура гибнет, кругом всё разрушают, жгут, разваливают. ... А главное, я и в народ потерял всякую веру. Теперь он открыл свой лик – тупой, алчный, жестокий» [6, с. 353-354]. Подобные оценки высказывают многие герои на протяжении романа. Изящно одетый адвокат Мириманов так характеризовал нравственный облик новых хозяев: «Всё портят, ломают, загаживают. Ни в чём никакого творчества, какое-то сладострастное разрушение всего, что попадает на глаза. И какое топтание личности, какое неуважение к человеку!..» [6, с. 420] Намерения большевиков вызывают у него недоумение: «С гуннами вздумали устраивать социалистический рай!» [6, с. 420]

Тему кризиса культуры, поругания традиций и настоящих ценностей русского народа освещали в те годы многие писатели. Александр Блок в статье «Крушение гуманизма» подметил: «Я утверждаю, наконец, что исход борьбы решён и что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением...; теперь оно представляет из себя бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации...» [1, с. 115]

М. Булгаков этой проблеме посвятил немало произведений, в том числе рассказ «Ханский огонь» (1922), в котором герой рассказа, потомок дворянского рода, становится свидетелем грубого осмеяния «новыми людьми» его матери, предков, истории рода и поджигает усадебный дом, в котором вырос.

Иван Шмелёв в романе «Солнце мёртвых» также описывает разруху, наступившую в «новом» времени: «Заброшены сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! – и новый хозяин, недоуменный, выбил стёкла, повырывал балки... повыпил и повыпил глубокие подвалы, в кровине поплавал, а теперь, с праздничного похмелья, угрюмо сидит у моря, глядит на камни» [12, с. 15].

После выхода романа «В тупике» он получил репутацию контрреволюционного, но это было слишком категоричное определение, так как писатель не идеализировал ни одну из враждующих сторон, объективно показывая суровую картину эпохи. Вересаев изобразил десятки персонажей: крестьян, рабочих, солдат, дворян, профессоров, актёров, певцов переставших существовать императорских театров... В обществе всё перемешалось, утратилось былое разумное устройство. В «новом мире» ключевое отличие между людьми стало определяться их социальными взглядами и приверженностью к одной из противоборствующих сторон.

Члены семьи Сартановых также оказались в этом водовороте идейных и политических разногочий. Старшая дочь Ивана Ильича Вера перешла на сторону красных. Она жила в Петро-

граде, отличалась беспредельной верностью делу революции, энтузиазмом, выдержкой. Потом работала в ревкоме в Москве, была направлена в Крым. Сартанов порвал отношения с Верой, категоричность позиций навсегда развела отца и дочь по разные стороны баррикад. Белогвардейцы, оттеснившие красных, учинили расправу над коммунистами «на тех же свалках, где они сами расстреливали» [6, с. 542], погибла вместе с другими и Вера.

Тема обывательской «мести» с обеих враждующих сторон проходит через весь роман. Вопрос Сартанова: «Что такое большевизм?» – находит простодушный ответ молодой крымчанки: «Дачи грабить» [6, с. 345]. Негодование и смех старого врача не смутили девушку, ведь, по её мнению, есть весомое объяснение разбою: «Мы работаем. А дачники всё лето на берегу лежат ... » [6, с. 345] Стоит заметить, что тот же образ возникает в конце романа, когда белые возвращают власть снова в свои руки. После перенесённых ужасов, тяжестей и лишений дачники, не вынеся уроков из пережитого, «опять голые на песке лежат» [6, с. 542], – как прежде, будто ничего не произошло, ходят барышни в шляпках и мужчины в сюртуках, но продолжают расстрелы, грабежи, хаос и при белой власти.

Возвращение белогвардейцев принесло новое разочарование. Ведь, по мнению героя Вересаева, у бывших интеллигентов «была только неистовая злоба к большевикам, сквозь которую откровенно пробивалась ненависть к пробудившемуся народу и страх за потерю привычных удобств и выгод» [6, с. 370]. А большевики осуждали мягкотелость и недалёковидность выс-

шего общества. Леонид, племянник Сартанова, рассуждал: «Хамы делают революцию, льют потоками чужую кровь – да! Но ещё больше льют свою собственную. А благородные интеллигенты, “истинные революционеры” только смотрят и негодуют» [6, с. 379].

Изображённая Вересаевым семья Сартановых, в которой оказались рядом люди взаимоисключаемых мировоззрений, отражала состояние объятый мятежом России. Все главные персонажи оказались «в тупике»: старый врач Сартанов, потеряв цель существования, ушёл из жизни, обесиленный цингой; его жену убили случайно пьяные дебоширы-казаки; Веру расстреляли белогвардейцы; Катя после похорон отца уехала в неизвестном направлении, поскольку не смогла продолжить борьбу, убедившись, что люди «сражаются за ненужное» [6, с. 359].

В романе Вересаева показано множество ситуаций, в которых человек вынужден выбирать между нравственным долгом и меркантильно толкуемой свободой. Например, маленькая зарисовка диалога двух женщин. Одна сообщает, что её муж пропал без вести, – два месяца нет писем от него. Она вышла замуж за другого, оправдываясь, что «молодой без мужчины скучно». Не случайно следующий абзац начинается словами: «Крутился вихрь – какая-то сумасшедшая смесь гордо провозглашаемых прав и небывалого уничтожения личности ... Мелькали клочья растерзанных понятий о собственности, тени обесцененных человеческих жизней, осмеянные образы обезбоженных христов и богородиц ..., обрывки разорванных брачных цепей, выброшенные яти и

еры, спутавшиеся числа календарных стилей» [6, с. 504].

Сопоставление двух небольших, контрастных по эмоциональному наполнению «картин», лаконично изображённых Вересаевым, помогает ощутить дух того времени. Сменяющие друг друга небольшие фрагменты текста, отражающие конкретную сцену, записи разрозненных наблюдений отделены друг от друга небольшим пробелом в тексте. Здесь явно обнаруживает себя следование традициям В.В. Розанова, с его «коробами» «Опавших листьев». Форма повествования в романе «В тупике» напоминает мазки красок, сочетание и контраст которых создаёт целостную картину. Исследователи отмечали эту жанровую особенность произведений Вересаева. В повести «К жизни» (1908), также посвящённой революции, писатель уже активно использовал «коллажное» изображение событий. В позднем литературоведческом труде «Пушкин в жизни» этот приём станет структурообразующим принципом повествования.

Система зарисовок, включённых в роман «В тупике», поэтика их целостного звучания должна стать самостоятельной научной задачей. Эмоциональное восприятие доведено здесь до крайнего предела, а каждый «стык» имеет своё значение. Например, небольшая сюжетная картина, описывающая возвращение дам в шляпах и мужчин в панамах на улицы Крыма после оттеснения красных, заканчивается словами: «О, они – они опять голые на песке лежат!» [6, с. 542] А в следующей картине описывается камера, в которую были помещены женщины из высшего общества. Вересаев наме-

кает, как дорого они заплатили за беспечность.

После описания расстрела белыми захваченных в плен красных следует изображение дачки, на которой живут муж и жена, измождённые от «бешеной и неумелой работы», с «очумелыми глазами, полными отчаяния» [6, с. 546]. Их ссора по поводу полива абрикосов иронически напоминает о столкновении противоборствующих социальных сил. Эта семейная пара уже появлялась в начале романа, но так и не смогла разобраться в своём хозяйстве. Вересаев в романе запечатлел поведение людей, оказавшихся

участниками классовой борьбы. Он запечатлел и среди белых, и среди красных людей благородных, честных, искренне заблуждающихся, а также и проходимцев, для которых переворот стал способом обогащения и захвата власти. На последних страницах романа заключительным аккордом звучат слова Ивана Ильича Сартанова: «Революция превратилась в грязь. Те ли одолеют, другие ли, – и победа не радостна, и поражение не горько» [6, с. 548]. Столкнувшиеся в огне гражданской войны люди разных взглядов, возрастов, нравственных установок – все в трагическом водовороте истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Крушение гуманизма // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 93-115.
2. Блок А. Переписка // Блок А.А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. 1963. 772 с.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце. Жизнь господина де Мольера. Повести. Рассказы/ Михаил Булгаков. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
4. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1992. 752 с.
5. Бунин И.А. Тёмные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
6. Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. Ф.И. Кулешова. Минск: Маст. лит., 1989. 605 с.
7. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. Изд. 5. М.: ДАРЪ, 2014. 480 с.
8. Кулешов Ф. Подвижник // Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф.И. Кулешова. Мн.: Маст. лит., 1989. 605 с.
9. Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. М.: Просвещение, 1986. 224 с.
10. Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 196 с.
11. Песоцкий В.А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философия. 2011. № 1. С. 84-209.
12. Шмелёв И.С. Солнце мёртвых; Солдаты: романы. М.: Вече, 2017. 384 с.

REFERENCES

1. Blok A. [The collapse of humanism]. In: *Blok A.A. Sobr. soch. T. 6* [Blok A. Collected works. Vol. 6]. Moscow; Leningrad, 1962. pp. 93–115.
2. Blok A. [Correspondence]. In: *Blok A.A. Sobr. soch. T. 8* [Blok A. Collected works. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1963. 772 p.
3. Bulgakov M.A. *Sobach'ye serdtse. Zhizn' gospodina de Mol'yera. Povesti. Rasskazy* [Heart of a dog. The life of Mr. de Moliere. Novels. Stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 640 p.
4. Bulgakov M.A. *Sobranije sochinenij T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, «KHudozhestvennaya literatura» Publ., 1992. 752 p.
5. Bunin I.A. *Temnye allei. Okayannye dni. Povesti i rasskazy* [The dark alleys. Cursed days. Novels and stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 640 p.

6. Veresaev V.V. *K zhizni: Povesti, roman, rasskazy* [To life: Stories, a novel, short stories]. Minsk: Mast. lit, 1989. 605 p.
7. Il'in I.A. *O soprotivlenii zlu siloy* [On resistance to evil by force]. Moscow, DAR' Publ., 2014. 480 p.
8. Kuleshov F. *Podvizhnik* [Ascetic]. In: Veresaev V.V. *K zhizni: Povesti, roman, rasskazy* [Veresaev V. To life: Stories, a novel, short stories]. Minsk: Mast. lit, 1989. 605 p.
9. Mayakovskii V.V. *Stikhotvoreniya; Poemy* [Verses; Poems]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 224 p.
10. Nol'de V.M. *Veresaev. Zhizn' i tvorchestvo* [Veresaev. Life and work]. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1986. 196 p.
11. Pesotskii V.A. [The main functions of literature in their philosophical view]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudartvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series Philosophy], 2011, no. 1. pp. 84–209.
12. Shmelev I.S. *Solntse mertvykh; Soldaty: romany* [The sun of the dead; Soldiers: novels]. Moscow, Veche Publ., 2017. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичкова Дарья Александровна – аспирант кафедры русской литературы XX века факультета русской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria Novichkova – postgraduate student at the Department of the literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичкова Д.А. Роман В.В. Вересаева «В тупике»: летопись «хамского» царства революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 141-148
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148

FOR CITATION

Novichkova D.A. V. Veresaev's novel «At the dead end»: the chronicle of «boorish» kingdom of revolution In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 141-148
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-141-148